

Альберт Захарович Манфред

ЕГИПЕТСКИЙ ПОХОД БОНАПАРТА

Французский ежегодник 1969

М.: Наука. 1971. С.212-232

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Тематически связанные материалы даны нами после статьи

I

Правительство Французской республики в Люксембургском дворце торжественно принимало генерала Бонапарта. Несметные толпы народа загроутили улицы. Казалось, все население столицы вышло приветствовать человека, чье имя последнее время было у всех на устах. Экипаж генерала, сопровождаемый почетным эскортом, с трудом продвигался вперед — так плотно его окружали сотни, тысячи людей, выкрикивавших приветствия.

Во дворе Люксембургского дворца генерала ожидала вся официальная Франция. Здесь были все пять членов Директории, в шитых золотом красных мантиях и шляпах, украшенных пышным плюмажем, министры, высшие должностные лица республики, члены Совета старейшин и Совета пятисот, генералы, высшие офицеры.

Под звуки «Гимна свободе», исполняемого хором консерватории, Бонапарт, сопровождаемый генералами Бертье и Жубером, несшими знамена, прошел через расступившиеся ряды к «алтарю отечества», где его стоя ожидали члены правительства.

Все были поражены, как отмечала печать, необычайной худобой генерала. Эта худощавость, крайняя бледность матовой кожи лица, длинные черные волосы, падавшие на плечи, — все придавало двадцативосьмилетнему генералу вид совсем еще молодого человека, почти юноши. Только твердо сжатый рот и неменяющееся, непроницаемое выражение лица выдавали его возраст.

К генералу обратился по поручению Директории с приветственной речью, изысканной и льстивой, Галейран. Бонапарт отвечал коротко и сдержанно, его плохо понимали: резкий, но негромкий голос и нефранцузский выговор, к которому еще не привыкли, делали почти невозможным восприятие речи. Доходили отдельные слова: он воздавал похвалу революции. Директории, солдатам. Лишь позже из газет узнали, что он говорил также и о свободе Европы — и даже! — о лучших органических законах².

Бонапарту ответил Баррас. Он произнес пышную цветистую речь, полную неумеренных похвал выдающемуся полководцу Республики. Эта речь показала, что, при всех своих пороках, бессменный член Директории был, как всегда, весьма не глуп. Как и все ораторы того времени — это было в моде — Баррас обратился к опыту истории. Он вспомнил, естественно, о Цезаре, но не для сравнения, а в противопоставление. Он приветствовал Бона-

¹ Глава из подготовленной книги.

² «Moniteur», 22 et 23 frimaire an VII; «Journal de Francfort», 13 septembre 1797.

парта, как героя, отомстившего от имени Франции восемнадцать столетий спустя за содеянное Цезарем. «Он принес на нашу землю рабство и разрушения; вы принесли его античной родине свободу и жизнь»³. В этих немногих словах было не столько лести, сколько предостережений; Баррас считал своевременным преподать победоносному генералу урок в назидание.

Бонапарт слушал директора с бесстрастным лицом.

Баррас закончил свою речь братским объятием. Затем с генералом расцеловались остальные члены Директории. Все присутствующие бурно и долго рукоплескали.

Эта сцена торжественной встречи правительства Республики с прославленным полководцем, а ныне и миротворцем, — со словами взаимной признательности, братскими объятиями и всеобщими аплодисментами — могла создать у наблюдающих впечатление полного единодушия, единства, гармонии.

Но следовало ли верить словам и глазам?

В течение без малого двух лет пребывания в Италии командующий армией генерал Бонапарт действовал и в военной, и в политической, и в дипломатической сферах, не считаясь с директивами правительства, а часто в прямом противоречии с ними. Содержание и природа разногласий между генералом и Директорией на протяжении этого времени менялись. И в этой борьбе Бонапарт неизменно переигрывал Директорию. Именно потому, что его политика исходила из более широкого понимания интересов новой, буржуазной Франции, Бонапарт, нарушая директивы Директории, ставил ее в необходимость еще поздравлять его с этими нарушениями.

Так было и раньше, так было и сейчас — в декабре 1797 г. Директория дала ему ясные указания: не заключать мира, начинать поход против Вены. Но когда вопреки жестким директивам правительства Бонапарт заключил мир в Кампоформии, что оставалось делать Директорию?

Ее первым побуждением было отвергнуть, аннулировать этот договор, так дерзко заключенный генералом вопреки запрету правительства. Но бурное ликование в законодательных советах по поводу Кампоформии⁴, во всей стране, измученной войной и жаждущей мира, сразу же отрезвило членов Директории, показало всю неосуществимость подобных намерений.

Им оставалось, скрепя сердце и пряча кулаки в карманах, сделать вид, что они рады и счастливы миром Кампоформии, привезенным генералом на острие своей шпаги. Директивы продолжать войну, запрет заключать мир — обо всем было мгновенно забыто. Баррас должен был подавить клокотавшее в нем бешенство против беспредельно дерзкого и очень опасного генерала и, усилием воли стерев с лица злобное выражение, расплыться в сладчайшей улыбке и широко распахнуть руки, чтобы заключить генерала-миротворца в дружеские объятия.

Нет, ни глазам, ни ушам — ни увиденному, ни услышанному — верить было нельзя. Но эта была при сложившихся обстоятельствах единственно возможная, обязательная для обеих сторон, показная — для публики, для Франции, для мира — игра в братскую дружбу и согласие, фальшь и лицемерие которой столь же отчетливо осознавались членами Директории, как и Бонапартом.

Сплошное лицемерие? Да, конечно. Но если от него отказаться, если сбросить маски, — что будет тогда?

Было над чем задуматься и Бонапарту, и членам Директории.

Баррас, Ребель и другие члены правительства питали к Бонапарту чувства злости и страха: он столько раз ставил их в унижительное положение, заставляя подчиняться своей воле. Они охотно свели бы с ним счеты, но в момент, когда он был самым популярным человеком в стране, они были бессильны; им оставалось приятно улыбаться генералу и льстить.

³ *Barras. Mémoires*, t. III, p. 120. 121.

⁴ Архив внешней политики России (АВПР), Сношения с Францией, 1797, д. 521 а, л. 91 об. Симолин — Павлу 1. 23 октября (3 ноября) 1797 г.

Но и Бонапарт не видел в тот момент никаких перспектив. Что дальше? Куда идти?

Он не был в Париже 21 месяц, почти два года. За эти два года — в том нетрудно было быстро убедиться — дела в Республике не стали лучше, отнюдь нет. Казна, как всегда, была пуста; финансы в полном расстройстве; правительство было не в состоянии стабилизировать денежное обращение в стране. Какая-то узкая кучка — военных поставщиков спекулянтов, казнокрадов — наживала огромные состояния; простой народ, а особенно городская беднота, страдал от взвинченных цен на продовольствие, нехватки продуктов.

Недовольство охватывало широкие слои общества; и имущие, и неимущие — все жаловались, все были чем-то недовольны. Но это недовольство еще не было осознано до конца; это еще была какая-то начальная стадия общественного брожения. Растущее общественное негодование еще не открылось в определенные требования; еще полностью не определилось — что надо и чего не надо.

Революция произвела колоссальное перераспределение собственности в стране. Значительное большинство населения составляли обладатели собственности, перешедшей к ним разными путями в годы революции. Основную массу этих новых собственников составляли крестьяне и буржуазия всех категорий. Эти два класса — буржуазия и крестьянство — материально больше других выиграли от революции. Естественно, что они стояли прежде всего на страже только что приобретенной собственности. Уже по одному этому они были непримиримыми противниками реставрации, противниками монархии, возврата к старому. Новая собственность была связана с Республикой и потому — в большинстве своем — они были тогда за Республику.

Республиканизм тогда еще был безусловно господствующим политическим убеждением подавляющего большинства французов. В среде буржуазии, в среде зажиточного крестьянства усиливалось недовольство политикой Директории — ее неспособностью создать стабильный режим, упорядочить финансовую систему, положить конец ажиотажу, спекуляциям. Но можно было быть недовольным правительством, можно было осуждать действия и политику Директории, но критика останавливалась там, где начиналась Республика. Республика оставалась за пределами критики.

К тому же в разных слоях населения еще были сильны иллюзии, надежды на то, что когда покончат с врагами, с войной, когда установится мир, тогда Республика воссияет во всем своем лучезарном свете, тогда настанет, наконец, давно ожидаемый «золотой век»⁵.

Победы французского оружия — победы армии, возглавляемой Бонапартом, в частности, — встречались столь восторженно всеми слоями общества и города, и деревни не только потому, что они отвечали национальным и патриотическим чувствам французов, но также и потому, что они приближали желанный день победы над врагами, день мира. Пять лет продолжалась жестокая, разорительная война, лишавшая Республику возможности раскрыть и даровать народу все великие блага, которые она несла с собой. Победы Бонапарта воспринимались многими как приближение к миру, приближение к социальному счастью.

Бонапарт, совершая триумфальное путешествие из Милана в Раштатт⁶ и повсеместно — в Мантуе, в Женеве, Лозанне, Берне — встречаемый цве-

⁵ «Journal de Francfort», от 4 ноября 1797 г. в корреспонденции из Парижа от 28 октября сообщал об огромном подъеме, царившем в Париже 26 октября, когда стало известно о подписании мира с Австрией и тысячи парижан вышли на улицы столицы.

⁶ По предложению Директории он поехал уполномоченным правительства Республики на конгресс представителей Германской империи в Раштатте. Он выехал из Милана 17 ноября и приехал в Раштатт только 28-го; он совершал путешествие в карете, запряженной 8 лошадьми, его эскорт составляли 30 гусар.

тами, песнями, стихами, неподдельным восторгом народа, мог убедиться в том, что его приветствуют не как великого полководца, а прежде всего как героя-освободителя, как миротворца. «Цезарь поработил Италию, а ты ей возвратил свободу», — с этими стихами девушки Лозанны преподнесли ему цветы⁷. В Берне, который он проезжал поздней ночью, его ждали с двух сторон вереницы ярко освещенных экипажей, и красивые женщины, терпеливо ожидавшие его прибытия, встретили его бурными возгласами: «Да здравствует Бонапарт! Да здравствует миротворец!»⁸ Во Франции печать, воздававшая хвалу воину, прославившему оружие Республики, и творцу мира в Кампоформио, подчеркивала прежде всего, что генерал Бонапарт — истинный республиканец, что он «олицетворенная добродетель», что он «философ, друг Просвещения»⁹. Можно ли было сомневаться в значении, в смысле всех этих ярко выраженных чувств?

Да и сам Бонапарт, знал ли он, к чему должно стремиться? Он презирал Барраса, был раздражен действиями, политикой Директории, ему была очевидна слабость и неспособность «триумвиров» руководить страной.

Но что нужно делать? Какова должна быть его собственная роль в ближайшее время? Это не было для него вполне ясно, и он вернулся в Париж, не имея определенного плана. По-видимому, самое большее, что представлялось ему достижимым, — это войти в правительство, преодолев формальные препятствия, стать одним из членов директории¹⁰. При всех обстоятельствах, любая форма его активного участия в политической жизни страны мыслилась им тогда в рамках республиканского режима.

На острове Святой Елены, диктуя Лас-Казу свои воспоминания, Наполеон говорил, что «влиятельные депутаты обоих советов, патриоты-фрюктидоорианцы, искавшие покровителя, наиболее просвещенные и влиятельные генералы долго побуждали генерала из Италии [т. е. Бонапарта] поднять движение и стать во главе Республики; он отказывался, он не был еще тогда достаточно силен, чтобы все могло пройти гладко»¹¹.

Наполеон и в данном случае, как и в других своих воспоминаниях, много преувеличивал; вряд ли в действительности кто-либо его побуждал в 1797 г. «поднять движение и стать во главе Республики», это маловероятно. Заслуживает, однако, внимания, что даже в этом во многом фантастическом рассказе речь шла о том, чтобы возглавить республику; он и 20 лет спустя отчетливо понимал, что в 1797 г. никакая иная форма власти, кроме республиканской, была не возможна.

В действительности, однако, в ту пору ни сам Бонапарт, ни его собеседники еще не обсуждали вопрос о том, как «стать ему во главе Республики». Талейран справедливо писал о Бонапарте: «Достаточно честолюбивый, чтобы стремиться к высшим степеням, он не был настолько слеп, чтобы верить в возможность достижения их во Франции без особого стечения обстоятельств, которое нельзя было считать ни близким, ни даже вероятным»¹². Речь шла о меньшем — как стать членом Директорий.

Попытки в этом направлении были, по всей видимости, предприняты. Имелось в виду, что Совет пятисот вынесет постановление, разрешающее в порядке исключения избрать Бонапарта членом Директории, несмотря на то, что он не достиг установленного цензом возраста. Предприятием этим занимались Тальен, искавший любой повод, чтобы зацепиться на поверхно-

⁷ Цит. по: *L. Madelin. Histoire du Consulat et de l'Empire, t. II, p. 205.*

⁸ *E. Las Cases. Mémorial de Sainte-Hélène; Bourrienne. Mémoires..., t. 2, p. 8.*

⁹ Цит. по: *L. Madelin. Op. cit., t. II, p. 198—199.*

¹⁰ *Baron de Barante. Souvenirs, t. I. Paris, 1890, p. 45; Barras. Mémoires, t. III, p. 184.*
¹¹ Формальным препятствием был предусмотренный конституцией возрастной ценз в 40 лет для членов Директории. Законодательные советы были, конечно, в праве сделать в отношении Бонапарта исключение.

¹² *Las Cases. Mémorial de Sainte-Hélène, t. I. Paris, 1961, p. 751.*

¹³ *Талейран. Мемуары, стр. 151.*

сти и остановить свое неумолимое сползание вниз, и Реньо де Сен-Жан-д'Анжели. Дело сорвалось вследствие решительных возражений Директории, прежде всего Барраса¹³.

Всякий прямой, легальный путь к участию в политическом руководстве страной оказался для Бонапарта закрыт. Иные пути были тогда еще невозможны, и он о них и не думал.

Что же делать дальше?

II

Еще за полтора месяца до возвращения Бонапарта, 5 брюмера (26 октября 1797 г.) постановлением Директории генерал был назначен командующим английской армией, т. е. армии, предназначенной для вторжения на Британские острова.

Назначение это было важно, ответственное; после заключения Кампюформийского мира Англия осталась единственным непобежденным врагом Республики; сокрушение ее мощи представлялось в ту пору самой главной задачей.

Выполнить это почетное поручение? Сосредоточить все усилия на предстоящей операции? Приумножить победой над могущественным Альбионом свою славу?

Бонапарт готов был на это пойти. Убедившись в том, что возраст и нежелание Директории облегчить ему проникновение в ее ряды закрывают ему путь к большой политической роли, он охотно примирился с возложенной на него важной военной задачей.

Бонапарт трезво оценивал и положение Республики и свое место в обществе.

Ему не приходилось жаловаться на недостаток внимания. В первое время, во всяком случае, он вызывал всеобщий интерес и был окружен атмосферой не только доброжелательства, но более того — восхищения.

Улица Шантерен, на которой находился его дом (выкупленный им теперь и ставший его собственностью), была переименована муниципалитетом в улицу Победы.

25 декабря Институт Франции — высшее научное учреждение Республики (соответствующее нашей Академии наук) избрало Бонапарта в число «бессмертных». Это избрание имело тем большее значение, что Бонапарту противостояло 11 конкурентов, баллотировавшихся по тому же отделению физико-математических наук, секции механики, на освободившееся после исключения Карно место. Бонапарт собрал наибольшее число голосов.

Из всех наград и отличий, выпавших щедро на долю Наполеона, избрание «бессмертным» доставило ему наибольшее удовольствие. В благодарственном письме президенту Института он писал на следующий день: «Голосование выдающихся ученых, составляющих Институт, оказало мне честь. Я сознаю, что раньше, чем стану им равным, мне еще долго придется быть их учеником»¹⁴. Подчеркнутая скромность прославленного полководца еще более способствовала его популярности в научной среде. Он аккуратнейшим образом посещал все заседания секции, отделения, Института; он отказывался от встреч с политическими деятелями, но всегда охотно беседовал с учеными, в особенности с математиками — Лагранжем, Лапласом, Мон-

¹³ *Barante. Souvenirs*, t. I, p. 45; *Barras. Mémoires*, t. III, p. 184.— Баррас рассказывает, что Бонапарт так рвался к этой должности, что ему пришлось пригрозить даже тюрьмой. Это не заслуживает доверия. Бонапарт в свих мемуарах, обходя этот пункт молчанием, высказывает другую обиду: Совет старейшин предложил, чтобы ему были пожалованы земли Шамбор (бывшие владения королевской семьи) и особняк в Париже, а Директория это отвергла (*Las Cases. Op. cit.*, t. I, p. 888, 743).

¹⁴ Подробности избрания Бонапарта и его деятельности в Институте см.: *G. Lacour-Gayet. Bonaparte, membre de l'institut*. Paris, 1918.

жем, химиком Бертолле, удивляя их своими обширными познаниями в специальных вопросах. Он придавал такое большое значение своему избранию в Институт, что не только в письмах и официальных бумагах проставлял рядом со своим именем «член Института», но даже в приказах по армии подписывался: «Бонапарт, член Национального Института, командующий английской армией». Звание члена Института он ставил выше командующего армией¹⁵.

Бонапарт получал приглашения со всех сторон; влиятельные политические деятели стремились установить с ним добрые отношения. Он отклонял большинство приглашений; что это могло дать? Исключение он делал только для Талейрана.

Бывший епископ Отенский лишь недавно с помощью женщин, и особенно покровительствовавшей ему госпожи де Сталь, получил должность министра иностранных дел, но он все еще переживал трудные дни.

В третий раз ему приходилось начинать жизнь сначала: первый раз он начинал ее как представитель знатного аристократического рода, вследствие хромоты вынужденный довольствоваться почетными должностями в высшей церковной иерархии; второй раз — после революции, как депутат Учредительного собрания, предложивший лишить земель церковь, которой он раньше служил; ныне — в третий раз, по возвращении из эмиграции, он снова должен был зарабатывать доверие, на сей раз Директории. Это давалось ему туго: он льстил Баррасу, но не мог преодолеть антипатии Ребеля и подозрительности, с которой относились к нему остальные члены Директории¹⁶.

Каким-то особым верхним чутьем, присущим только ему одному, он разгадал в молодом корсиканском генерале восходящую звезду. Он его и в лицо еще не видел, а уже слал ему сдобренные тонкой лестью письма. После первого свидания с Бонапартом — в декабре 1797 г. в Париже — он еще более укрепился в своих интуитивных предположениях. Он надеялся с помощью этого человека вновь начать восхождение вверх.

Талейран нашел верное и тонкое средство завоевать симпатии генерала. Он устроил 3 января нового, 98 года большой прием в честь творца мира Кампоформно в великолепном особняке министерства иностранных дел на рю дю Бак (это здание и ныне украшает старинную улицу). Было приглашено около пятисот человек — весь Париж, как говорили уже в XVIII в. Но первой персоной вечера Талейран сумел — незаметными, но верно действующими приемами — сделать не командующего армией в Италии и Английской армией, а его жену — Жозефину.

Он знал, что делал. То было время позднего и полного цветения этой непохожей на остальных женщин креолки, умевшей всегда сохранять очарование. Успех ее мужа, которого она сразу не могла разгадать, теперь ее окрылял. В ее осанке, в ее манере держать себя появилось что-то величественное. Она сразу вошла в роль «царицы бала», искусно подготовленную ей Талейраном. Его расчет был безошибочен. Оказывая особые, подчеркнута почтительные знаки внимания супруге генерала Бонапарта, Талейран, оставаясь внешне в привычной для него роли дамского угодника, отводил от себя подозрения зорко следивших за ним членов Директории; сам же он в лице польщенной Жозефины приобретал влиятельнейшего защитника его интересов перед ее могущественным супругом.

Жозефина превосходно справлялась с новой ролью. Со времени блестящих приемов в Момбелло она вошла во вкус этой тонкой игры первой дамы вечера; казалось, она была рождена для того, чтобы первенствовать. Бонапарту это льстило и нравилось: он все еще находился под обаянием чар своей жены, ее власть над ним была велика. Впрочем, он тоже не был оби-

¹⁵ «La correspondance de Napoléon». Paris, 1858—1870. (Далее: Corr.).

¹⁶ См.: G. Lacour—Gayet. Talleyrand, t. I, p. 219—255.

жен: его постоянно окружало плотное кольцо поклонников и почитателей, каждый стремился пробиться в эти ряды, быть представленным самому знаменитому человеку Франции.

Среди ищущих встречи с прославленным полководцем была и Жермен де Сталь. Дочь Неккера не создала еще в ту пору произведений, принесших ей европейскую известность, но уже расценивала свое место в мире достаточно высоко. Она была в те дни без ума от «корсиканца со стальными глазами», досаждая отцу восторженными письмами о своем герое¹⁷.

Талейран был ей всем обязан; она вымолила у Барраса для него портфель министра иностранных дел; она ссужала ему деньги; он должен был, естественно, пригласить ее на вечер 3 января. Жермен де Сталь явилась на бал полная решимости завоевать генерала. Она добилась того, что ее провели в круг знатных гостей, собравшихся вокруг Бонапарта. После нескольких лестных фраз генералу, встреченных им холодно, она задала ему вопрос, несомненно, тщательно обдуманый ранее:

— Я хотела вас спросить, генерал, какую из женщин, среди ныне здравствующих или ранее живших, вы назвали бы первой женщиной в мире?

На мгновение воцарилась тишина; госпожа де Сталь уже предвкушала свое торжество.

— Ту, сударыня, которая сделала больше всего детей, — резко ответил Бонапарт¹⁸.

Госпожа де Сталь почувствовала себя смертельно оскорбленной: ее не поняли, ее не признали.

— Что это за женщина? — спросил позже Бонапарт Талейрана.

— Интриганка, и до такой степени, что это благодаря ей я нахожусь здесь! — с только ему присущим даром обезоруживающего цинизма отвечал министр иностранных дел.

— Но по крайней мере она хороший друг?

— Друг? Она бы бросила всех своих друзей в реку, чтобы потом выживать по одному их оттуда удочкой...»¹⁹

С вечера 3 января 1798 г. началась вражда госпожи де Сталь и Бонапарта.

Впрочем, генерала эта женщина мало занимала.

Его беспокоили тревожные мысли: время шло, а он все еще не нашел решения: что делать дальше, каков должен быть следующий ход?

Он трезво оценивал бурные проявления симпатий, внимания к нему в первые дни пребывания в столице. Он отдавал себе отчет в том, что это не может продолжаться долго.

«В Париже ни о чем не сохраняют длительных воспоминаний, — говорил он Бурьенну. — Если я останусь здесь надолго, ничего не совершая, — все потеряно. В этом великом Вавилоне одна слава затмевает другую; достаточно было бы увидеть меня три раза в театре, как на меня перестали бы смотреть»²⁰.

В ответ на возражения Бурьенна, доказывавшего, что генералу все же приятно видеть, как толпы народа собираются, увидев его, Бонапарт, не без горечи, сказал:

«Нет, народ с такой же поспешностью устремился бы смотреть, если бы меня повели на эшафот»²¹.

¹⁷ Об отношениях г-жи де Сталь и Бонапарта лучшим является небольшое, но превосходное исследование Гийемана. (*H. Guillemin. Madame de Staël, Benjamin Constant et Napoléon. Paris, 1959.*)

¹⁸ Вопрос де Сталь и ответ Бонапарта воспроизводятся в разных редакциях. Здесь они изложены так, как рассказал Бонапарт. (*Las Cases. Mémoires, t. I, p. 744.*)

¹⁹ *C. Lacour-Gayet. Talleyrand, t. I, p. 273.*

²⁰ *Bourrienne. Mémoires, t. II, p. 32.*

²¹ *Ibidem.*

Бонапарт не создавал себе иллюзий. Интерес общества к нему начал ослабевать. Надо было снова совершать что-то великое, чтобы удержать убывающее внимание.

Самым тщательным образом он изучал перспективы военных операций против Англии. Сама идея вооруженного вторжения на Британские острова была, конечно, соблазнительной. Десант на острова — то был старый любимый план Карно, к которому крупный стратег неоднократно возвращался²². Был практически разработан ряд вариантов. В 1796 г. Гошу было поручено командование армией вторжения; удалось установить связь с ирландскими национально-революционными кругами, в частности с организацией «Объединенные ирландцы», возглавляемой Уолфом Тоном²³. Уже с февраля 1796 г. между Карно и Тоном был налажен тесный контакт. В военном и политическом отношениях операция была задумана правильно, но она потерпела неудачу, вследствие слабости Франции на море.

Стратегический эффект победы над Англией был для Бонапарта совершенно ясен. С его острым политическим умом он давно уже понял первостепенное значение удара по Англии.

С лета 1797 г. Бонапарт обдумывал идею удара по Англии, но он планировал ее в другом направлении — в районе Средиземноморья, Египта. Летом в Пассариано, в беседах с Дезе, он развивал мысль о вторжении в Египет²⁴. В письме к Директории от 16 августа 1797 г. он уже официально ставил вопрос о завоевании Египта. «Недалеко время, когда мы пойдем, — писал он, — что для действительного сокрушения Англии нам надо овладеть Египтом»²⁵. Таким образом, понимая первостепенное значение решающего удара по Англии, Бонапарт еще до назначения его командующим армией вторжения на Британские острова размышлял о том, как лучше поразить самого могущественного из врагов Республики, и склонялся в пользу удара по Египту.

Но, получив приказ о назначении командующим армией вторжения, Бонапарт не мог с ним не считаться. Приказ есть приказ. К тому же сама мысль о десанте в Англию или для начала в Ирландию обладала огромной притягательной силой. Водрузить победоносное трехцветное знамя над Букингемским дворцом, поразить самого опасного врага ударом прямо в сердце — что могло быть соблазнительнее для полководца, стремившегося приумножить свою славу?

8 февраля 1798 г., без предупреждения, инкогнито, в сопровождении Ланна, Сулковского и Бурьенна, Бонапарт выехал к западному побережью. Он отдавал себе отчет в огромной трудности замышляемого предприятия. Здесь все ставилось на карту — престиж Республики, национальная слава Франции, будущность страны, судьба самого Бонапарта. Победа сулила огромный выигрыш... Но есть ли уверенность в победе? Все ли должным образом предусмотрено Директорией для успеха десанта? В этом можно было сомневаться. Не постигнет ли Бонапарта такая же неудача, как и Гоша? Нет ли в этом плане, навязанном ему Директорией, скрытой западни? Не хотят ли господа из Директории втянуть его в гибельную операцию, на обломках которой развеется слава Лоди и Риволи?

Все было возможно, Бонапарт ни в малой мере не доверял своим «друзьям из Директории». Он хотел все увидеть своими глазами, проверить на ощупь. Он посетил Булонь, Кале, Дюнкерк, Ньюпорт, Остенде, Антверпен и более мелкие пункты. По свидетельству Бурьенна, до полуночи беседовал он с матросами, рыбаками, контрабандистами, «с присущим ему

²² M. Reinhard. Le grand Carnot, t. II, p. 216—218.

²³ См.: Е. Б. Черняк. Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX вв. М., 1962, стр. 490—590.

²⁴ A. Chuquet. Journal de voyage du général Desaix Paris, 1970, p. 209, 254.

²⁵ Corr., t. 3, p. 235.

терпением, находчивостью, знанием, тактом, проницательностью», извлекая из них все необходимые сведения²⁶. Он объездил все прибрежные порты, все изучил.

Выводы, к которым он пришел, были неутешительны. Успех десанта — ни в военном, ни, в особенности, в военно-морском, ни в финансовом отношении — не был обеспечен²⁷. «Это предприятие, где все зависит от удачи, от случая. Я не возьмусь в таких условиях рисковать судьбой прекрасной Франции» — таково было конечное решение генерала Бонапарта²⁸.

Он возвратился в Париж 17 или 18 февраля с уже созревшим решением: борьбу против Англии надо продолжать, но удар ей будет нанесен не на берегах Темзы, а на берегах Нила.

III

Египетский поход принадлежит к числу самых удивительных, трудно-объяснимых страниц в заполненной бурными событиями жизненной летописи Наполеона Бонапарта.

И современников, и людей последующих поколений многое поражало в этом необычном и грандиозном по тем временам предприятии: и смелость замысла, и его экзотический колорит, и дерзновенность мечтаний, сближающих командующего отважной экспедиции с легендарными именами героев античного мира.

Охотно писали о том, что в этом проекте ожили «мечты о востоке» юношеских ночей Бонапарта, «египетские грезы», зависть к славе Александра Великого. В стихах и прозе славили решимость и мужество воина, отважившегося мечом проложить путь от Роны до Нила и от берегов Нила к берегам Инда и Ганга.

Во всем этом было, конечно, много преувеличений.

Сама идея завоевания Египта Францией не была ни новой, ни необычной. Ее, конечно, нельзя считать каким-то изобретением Бонапарта и менее всего она может быть отнесена к достижениям его гения.

С того времени как Лейбниц подал Людовику XIV совет овладеть Египтом, идея эта на протяжении всего XVIII столетия не переставала занимать государственных деятелей и дерзновенных мыслителей французского королевства. Шуазель пытался превратить несколько отвлеченные искания в практические действия французской дипломатии. Сначала Рейналь в своем напумевшем сочинении о европейцах в двух Индиях, вышедшем анонимно в 1770 г., затем «Путешествие в Египет и Сирию» Вольнея, «Письма о Египте» Савари и множество иных произведений гласных и секретных, литературных трактатов и политических меморандумов — приковывали внимание к проблеме Египта. При всем различии мнений и вариантов в главном все они в основном совпадали. Египет надо прибрать к рукам.

Более полувека тому назад Франсуа Шарль-Ру в весьма обстоятельном исследовании подробно осветил историю всех этих многочисленных проектов и планов²⁹. С должным основанием он утверждал, что «если инициатива египетской экспедиции должна быть разделена в неравной доле между Та-

²⁶ Bourrienne. Mémoires, t. 2, p. 37.

²⁷ Современники хорошо понимали трудность этой задачи. Князь В. П. Кочубей, русский посланник в Константинополе, 9 декабря 1797 г. писал: «Может быть, я ошибаюсь, но я полагаю, что он [Бонапарт.— А. М.] не будет настолько глуп, чтобы взять на себя задачу, которая запятнает его великую славу» (Архив кн. Воронцова, т. 18, М., 1880, стр. 134).

²⁸ Bourrienne. Mémoires, t. 2, p. 38.

²⁹ François Charles-Roux. Les origines de l'expédition d'Egypte, 2 ed. Paris, 1910; C. Lokke. France and the colonial question. A study of contemporary French opinion (1763—1801). New York, 1932.

лейраном, Бонапартом и Директорией, то идея ее никак не может быть им приписана. Эта идея не родилась в законченном виде в человеческом мозгу..., она была плодом длительного развития...»³⁰.

В политической и исторической литературе справедливо указывалось также на то, что сама мысль об овладении Египтом имела под собой прочную основу экономических интересов. Влиятельные круги французской буржуазии, в особенности крупные негодцианты, арматоры Марселя и других портов Французского Средиземноморья, имели давние весьма широкие связи с Египтом и другими странами Леванта. Шарль-Ру считал, что в XVIII в. объем ежегодной торговли между Францией и Египтом в среднем приближался к пяти с половиной миллионам пиастров³¹.

Захват Англией ряда французских колоний (Мартиника, Табаго и др.), а также голландских и испанских колониальных владений фактически привел к почти полному прекращению колониальной торговли и исчезновению колониальных товаров. Талейран в докладе Институту Франции 3 июля 1797 г. — «Мемуар о преимуществах новых колоний в современных условиях» — прямо указывал на Египет, как на возможное возмещение понесенных Францией потерь³².

Неоспоримо было также и военно-стратегическое значение Египта в конкурентной борьбе великих европейских держав, стремившихся к расширению своих колониальных владений. Упадок Турции, все явственнее обнаруживавшийся на протяжении XVIII столетия, придавал вопросу о «турецком наследстве» особую остроту. Египет в этом оспариваемом «наследстве» был особо лакомым куском, и давнее соперничество Англии и Франции пополнилось еще одним важным предметом спора: грызней за овладение египетской костью³³.

Все эти причины и мотивы были достаточно весомые, чтобы поставить в порядок дня внешнеполитических проблем Директории вопрос об Египте. Было, конечно, не случайно, что почти одновременно два разных крупных политических деятеля Франции периода Директории — Бонапарт и Талейран, еще до того, как они сговорились, пришли, каждый своим умом, к мысли о необходимости овладения Египтом³⁴. Лишний раз это доказывало, насколько эта идея отвечала интересам французской буржуазии того времени.

Таким образом, в самой идее египетской экспедиции не было ничего ни загадочного, ни необычайного. Ее нетрудно было объяснить расчетами вполне прозаического характера, связанными с определенными экономическими и политическими интересами.

Трудно объяснимым было и остается иное.

Как мог Бонапарт, отказавшийся от вторжения на Британские острова ввиду неоспоримого превосходства Англии на море, пренебречь этим же превосходством противника при решении вопроса о десанте на юге Средиземноморского побережья?

Ведь если успех вторжения в Ирландию или иной район Великобритании зависел всецело от «удачи», от «случая», так как французский флот был много слабее английского, то и при экспедиции в Египет, когда тихоходным французским кораблям надо было преодолеть большее водное пространство, роль «удачи», «случая» в успехе предприятия была не меньшей,

³⁰ *Fr. Charles-Roux. Op. cit., p. 326.*

³¹ *Ibid., p. 6; см. также: M. Deherain. L'Egypte turque. Paris, 1935; Charles-Roux. L'Angleterre et l'expédition française en Egypte, vol. 1—2 (Le Caire), 1925; старую, но сохранившую свое значение работу: La Jonquièrre. L'expédition d'Egypte, t. I. Paris, 1900.*

³² *F. Charles-Roux. Op. cit., p. 294—295.*

³³ *См.: J. Darcy. France et Angleterre. Cent ans de rivalité coloniale d'Afrique. Paris, 1904; F. Charles-Roux. L'Angleterre et l'expédition française en Egypte, vol. 1—2. Le Caire, 1925.*

³⁴ Это легко проследить по деловой переписке Бонапарта и Талейрана, но подробное рассмотрение вопроса увело бы нас в сторону.

она возрастала. Но в первом варианте Бонапарт считал, что при столь малых шансах он не вправе «рисковать судьбой Франции»; во втором же — хотя шансы оставались столь же ничтожны, если еще не меньше — он решился на действия. Как это объяснить?

Современники хорошо понимали крайнюю рискованность задуманного предприятия. Мармон, принимавший самое деятельное участие в подготовке и проведении экспедиции, писал о ней: «Все вероятности были против нас; в нашу пользу не было ни одного шанса против ста... Надо признаться, это значило вести сумасбродную игру, и даже успех не мог ее оправдать»³⁵.

Надо, конечно, учесть, что Мармон писал эти строки, когда Наполеон, не мог уже возразить; командующему египетской армией он никогда не посмел бы подобное сказать. И все-таки в своем суждении Мармона были правильны. Это действительно значило «вести сумасбродную игру».

Талейран, с его злым и циничным умом, объясняя, почему Бонапарт предпочел египетский вариант английскому варианту, писал следующее: «Это предприятие [вторжение на Британские острова.— А. М.], независимо от того, удалось бы оно или потерпело неудачу, должно было неизбежно быть непродолжительным, и по возвращении он не замедлил бы очутиться в том самом положении, которого хотел избежать»³⁶.

Это объяснение не может удовлетворить; оно представляется слишком упрощенным. И тем не менее, в нем есть элементы верного, Бонапарт действительно достиг такой степени напряженности в своих отношениях с Директорией, что дальше так продолжаться не могло. Когда во время одной из частых стычек он прибег к своему самому сильному средству воздействия — пригрозил отставкой, Ребель не дал ему даже договорить до конца.

— Не теряйте времени, генерал. Вот вам перо и бумага. Директория ожидает Ваше заявление³⁷.

Бонапарт не стал писать заявления об отставке. Но он лишился последнего, до сих пор эффективного средства давления на Директорию. В длительном конфликте с правительством он зашел в тупик.

Бонапарт по своему темпераменту, по жизненной выучке, по пройденной им политической школе революции был человеком действия. Не в его натуре была медлительная позиционная борьба с постепенным наращиванием преимуществ. В 1798 г. в Париже он явственно ощутил, говоря шахматным языком, что дошел до мительшпиля и что исход борьбы пока остается ничейным. Но для него было столь же ясным, что бездействие приведет его к проигрышу партии.

Изучив возможности вторжения на Британские острова, он отверг этот план. Не потому, конечно, что операция была слишком кратковременной, но потому, что поражение в битве против Англии на глазах всей Европы могло иметь катастрофические последствия для Республики. Бонапарт был совершенно искренен, когда говорил, что «не может рисковать судьбой прекрасной Франции».

Но он не мог оставаться в бездействии и, отвергнув десант на Британские острова, он сразу же вернулся к давней мысли о Востоке, Египте.

Видел ли он огромный риск, опасность неудачи, даже гибели, нависавшие грозной тенью над походом на Восток? Бесспорно, эту опасность нельзя было не видеть.

Но в одном пункте Бонапарт был прав: Египет, Восток — это все-таки была мировая периферия; чтобы здесь ни случилось, это не будет иметь таких катастрофических последствий, как поражение в битве один на один против Англии.

³⁵ *Marmont. Mémoires de 1792 à 1841, t. I, p. 356.*

³⁶ *Талейран. Мемуары, стр. 152, 153.*

³⁷ *Barras. Mémoires, t. III, p. 141.*

Он охотно отдался мечтам о грандиозных победах, которые подсказывало ему воображение. Мармон был прав, когда писал, что со времени Италии поход в Египет был любимым детищем Бонапарта, что для него «то была страна великих имен и великих воспоминаний»³⁸, он связывал с этим походом великие, почти необозримые планы, он надеялся поднять греков на освободительную борьбу, вступить в сговор с индийскими племенами и найти в них союзников против англичан, изгнать британцев из Индии, дойти самому до берегов Инда, а может — затем повернуть и пойти на Константинополь... Великие планы, один другого грандиознее, теснились в его голове.

Можно верить Бурьенну, когда он передает слова Бонапарта: «Европа — это кротовая нора! Здесь никогда не было таких великих владений и великих революций, как на Востоке, где живут шестьсот миллионов людей»³⁹. Это не придумано — один лишь Бонапарт мог в XVIII в. назвать Европу «кротовой норой».

Он решил рискнуть. Ради такого огромного, баснословного, фантастического выигрыша, рисовавшегося его воображению, — подняться выше Александра Великого! — он пошел на безмерный риск.

Бонапарт отдавал себе отчет в том, что все на острие ножа. Он уже не раз, правда, не в таких масштабах, вел эту предельно рискованную, все время колебавшуюся между орлом и решкой, опаснейшую игру! В сражениях при Лоди и Риволи на протяжении многих часов он оставался на грани победы и поражения. Он готов был снова идти на этот риск. После Монтеотто, Лоди, Риволи он верил, что судьба поворачивается для него орлом! Он верил в свою звезду!

IV

19 мая 1798 г. ранним солнечным утром армада французских кораблей — больших линейных во главе с флагманом «Орионом», фрегатов, корветов, бригов, всякого рода транспортов — снялась с рейда Тулонского порта и двинулась на восток.

Куда она шла? На завоевание Сицилии, Мальты? Никто, кроме самого узкого круга высших начальников, этого не знал. Даже военный министр Шерер и тот до последних дней не был в курсе дела. Не знали ничего достоверного об экспедиции ни во Франции, ни в Европе. Газеты распространяли самые противоречивые сведения. В начале мая возникли слухи, будто экспедиция, пройдя Гибралтарский пролив, повернет на Запад. Вскоре после выхода французской флотилии из Тулона была предпринята широкая отвлекающая операция — попытка десанта в Ирландии. В августе группа французских кораблей действительно направилась к берегам «Зеленого острова» под командованием генерала Эмбера и сначала успешно осуществила десант.

Казалось, все было предусмотрено для успеха похода на Восток. 38 тысяч отборных солдат — каждый проверялся, — артиллерия, снаряды, лошади, продовольствие, книги на сотнях транспортных судов двигались на восток, охраняемые конвойными кораблями. Лучшие генералы Республики, цвет французской армии — Клебер, Дезе, Бертье, Ланн, Мюрат, Бессьер, ближайшие сподвижники Бонапарта: Жюно, Мармон, Дюрюк, Сулковский, Лавалет, Бурьенн составляли окружение командующего Восточной армией. Вместе с военными ехали ученые — будущий «Институт Египта», объединяющий представителей всех отраслей науки: прославленные ученые Монж, Бертолле, натуралист Жоффруа Сент-Илер, химик Конте, минералог Доломье, медики Ларрей и Деженет, литераторы Арно и Парсеваль Гранмезон и другие.

³⁸ *Marmont. Mémoires*, t. I, p. 349.

³⁹ *Bourienne. Mémoires*, t. II, p. 44, 45.

При выходе в море огромный, перегруженный флагман «Орион» задел дно; некоторые увидели в гом дурную приметку, но кто посмел бы высказать такие мысли вслух?

Все, казалось, благоприятствовало успеху. Был май, еще не жаркое солнце ярко светило, сильные попутные ветры надували паруса. Огромная флотилия легко и быстро скользила по волнам⁴⁰.

Три недели спустя, 9 июня, французские корабли подошли к берегам Мальты. Остров был занят почти без сопротивления. Над крепостью Ла Валетт был поднят французский флаг⁴¹.

19 июня флотилия французских кораблей двинулась дальше. Снова дули попутные ветры, французская армада подвигалась вперед, английской эскадры нигде не было видно.

На борту «Ориона» царило оживление. Мальта была первой победой. Командующий армией, как всегда, с раннего утра работал. За обедом в его кают-компании собирались ученые, высшие офицеры. После обеда возникали оживленные споры. Темы для дискуссии предлагал почти всегда командующий: то были вопросы о религии, различных формах политического правления, стратегии, возрасте Земли. Однажды он предложил обсудить вопрос о предчувствиях, об истолковании снов. Может быть, он, суверный корсиканец, все эти дни думал о дурной приметке — как «Орион» задел дно при выходе в море? Это гадательно, во всяком случае он ничем не обнаружил своих тайных мыслей и чувств.

2 июля французская флотилия подошла к побережью Северной Африки. У Маробу, возле Александрии, очень спешно, но в полном порядке, армия высадилась на сушу. Сразу же войска выступили в поход, и через несколько часов перед их глазами открылся большой восточный город: невысокие белые дома с плоскими крышами, узкие, тянущиеся вверх минареты, нарядные голубые купола мечетей. Французская армия вступила в Александрию.

Самое опасное в экспедиции — долгий путь по зыбким волнам — остался позади. Это могло казаться почти чудом — более 40 дней французская флотилия была в Средиземном море, она прошла его с запада на восток, с севера на юг, и не встретила англичан. Чувствуя под ногами твердую почву, французы уже более ничего не боялись — на суше они вновь себя ощущали армией победителей. Можно ли было сомневаться в счастливой звезде генерала Бонапарта?

И все-таки то была «сумасбродная игра».

Французская флотилия прошла через все Средиземное море, ни разу не встретив англичан. Но значило ли это, что противник, которого уже в XVIII в. называли «коварным Альбионом», оказался на самом деле столь простодушен, что принял за чистую монету нехитрые приемы дезинформации, к которым прибегало правительство Республики и его агентура весной 1798 г.

Примерно за месяц до отплытия Восточной армии из Тулона в Париже произошло странное происшествие. В поздний час 21 апреля 1798 г. к начальнику тюрьмы Тампль явились жандармы и предъявили приказ Директории, предлагавший передать им содержавшегося в тюрьме опаснейшего преступника — английского офицера Сиднея Смита, действовавшего против французов еще в деле под Тулоном.

Приказ был оформлен по всем правилам, все обязательные подписи членов Директории были на месте: начальнику тюрьмы оставалось лишь выполнить его. И лишь после того, как, гремя, захлопнулись тюремные двери за жандармами, уведшими преступника, тюремного администратора стали одолевать сомнения.

⁴⁰ См.: Corr., t. 29, Campagnes d'Egypte et de Syrie; Bourienne. Mémoires, t. 2, p. 62—77; Marmont. Mémoires, t. 1, p. 354—356 et suiv.

⁴¹ Corr., t. 3, p. 126—177.

Вскоре выяснилось, что никакого приказа об освобождении или перемещении Сиднея Смита не было, что ни один из членов Директории не подписывал его, что ни одного жандарма не посылали в тот злосчастный день в тюрьму Тампль...

Приказ о Смите оказался фальшивым, подписи — поддельными; форму жандармов надели на себя старые враги Республики — роялисты, предводительствуемые Ле Пикар де Фелипо — давним злобным врагом Бонапарта по парижскому военному училищу, затем эмигрантом, участником контрреволюционных заговоров и походов.

Это беспримерно дерзкое похищение из столичной тюрьмы одного из опаснейших для Республики заключенных, несмотря на все розыски, сошло преступникам с рук. Никого из участников похищения не удалось обнаружить.

Уильям Сидней Смит был одним из последних представителей вымирающего племени британских пиратов времен королевы Елизаветы. Он мог бы по праву считаться законным наследником сэра Френсиса Дрейка. Ловкий, коварный, настойчивый в достижении цели, словно воскресший из XVI столетия конквистадор или корсар, одинаково неуловимый на море и на суше, он оставался всегда опаснейшим противником Франции⁴². И вот, после того, как он был заключен в толстых, непробиваемых пушечным снарядом стенах тюрьмы Тампль, он сумел выскользнуть из нее и затеряться, как песчинка в море...

Прошло какое-то время, и стало известно, что месяц спустя после бегства из тюрьмы Тампль Сидней Смит и Ле Пикар де Фелипо, притаившиеся, пока велись розыски, где-то во Франции, сумели незаметно для пограничной стражи переправиться в Англию.

Прошло еще какое-то время, и командующий Восточной армией, действовавшей в Египте, получил донесение, что существенную помощь военным силам противника оказывают его давние знакомые — полковник английской армии Ле Пикар де Фелипо и капитан английского флота, а позднее адмирал, Уильям Сидней Смит. Вскоре выяснилось и иное.

Адмирал Нельсон и служба английской разведки тоже не были доверчивы и наивны. Нельсон со своими кораблями стоял у Гибралтарского пролива, готовый в любой момент двинуться на запад или восток. Но случилось так, что в день выхода флотилии Бонапарта из Тулона в западной части Средиземного моря разыгралась буря, и корабли Нельсона изрядно потрепало; его внимание было приковано всецело к борьбе со стихией, и выход французских кораблей в море остался незамеченным. Лишь когда до Нельсона дошли сведения о том, что французы заняли Мальту, он бросился за ними в погоню. Он так кипел желанием настичь и разгромить противника, что его эскадра, поднявши все паруса, промчалась по морю с такой быстротой, что опередила французов; ночью английские корабли пронеслись мимо медленно плывшей французской флотилии, проходившей севернее Крита.

Эскадра Нельсона примчалась в Александрию, но там ни о Бонапарте, ни о французах вообще никто ничего не слышал. Английский адмирал решил, что французский флот направился в Александретту или Константинополь, и устремился туда.

Быстроходность английской эскадры оказалась для французов спасительной, но битва на море не была избегнута, а лишь отсрочена. Надо было ожидать, что Нельсон скоро вернется.

Бонапарт из Александрии обратился с воззванием к египетскому народу. Оно было датировано 14 мессидора VI года (2 июля 1798 г.), 18 месяца мухаррема, год хиджры 1213⁴³. В воззвании говорилось:

⁴² См.: *Barrow. Life and correspondence of sir William Sidney Smith. London, 1897.*

⁴³ Хиджра, или геджра, — бегство Магомета из Мекки в Медину — время, от которого магометане ведут свое летосчисление.

«Бонапарт, член Национального института, командующий армией.

Давно уже бег, господствующие над Египтом, наносят оскорбление французской нации и подвергают ее негодяев унижениям: час отмщения настал...

Народы Египта, вам будут говорить, что я пришел, чтобы разрушить вашу религию,— не верьте! Отвечайте, что я пришел, чтобы восстановить ваши права, покарать узурпаторов, и что я уважаю больше, чем мамелюки, Бога, его пророка и Коран.

Скажите, что все люди равны перед богом, только мудрость, таланты и добродетели вносят различия между людьми...»⁴⁴.

Бонапарт призывал египетский народ довериться французам, объединиться с ними, чтобы сбросить иго мамелюков и создать новую, счастливую жизнь.

Воззвание Бонапарта доказывало, сколь тщательно и политически обдуманно были подготовлены его действия в Египте. Той же разумностью, целесообразностью, свидетельствующими о компетентном понимании задач, были отмечены и многие практические мероприятия Бонапарта и его сотрудников в Египте, вплоть до открытия Розеттского камня или санитарно-противоэпидемических мер Ларрея и Деженета⁴⁵.

Но даже первое это воззвание имело недостаток: говоря артиллерийским языком, оно било дальше цели.

Бонапарт, готовясь к походу на восток, обдумывал политическую стратегию: он рассчитывал, как это было и в Италии, найти союзников в лице угнетенных и недовольных. Первое воззвание призывало египетский народ подняться против господства военных феодалов — беев-мамелюков. Но арабы — феллахи и жители городов, составлявшие основное население Египта, — были до такой степени забиты и политически неразвиты, находились на такой низкой ступени общественного сознания, что все призывы к борьбе до них не доходили, они еще не были способны их воспринять. Не сразу — через недели или месяцы — Бонапарту стало ясно, что он не находит общий язык с арабами, что они его не слушают, чтобы он ни говорил.

Бонапарт оказался в Египте — и это стало трагедией всего похода — в социальном вакууме. Он не встречал поддержки и не находил опоры в народе страны. Он был стратегом, созданным революцией, мыслил ее категориями и в его стратегических планах социальным силам придавалось никак не меньшее значение, чем пушкам и числу штыков. Когда он рисовал увлекавшую его картину великого похода на Восток и полного сокрушения колониального могущества Британии, то он рассчитывал достичь этого грандиозного результата не со своей маленькой армией в 35 тысяч человек.

Нет, он надеялся на то, что его солдаты будут авангардом великой армии освобождения, в которую вольются восставшие арабы, греки, персы, индийцы. Он будет идти во главе непрерывно растущей многомиллионной армии поднявшихся на свое освобождение народов; и в мире не будет силы, которая смогла бы противостоять этой всепоглощающей лавине.

Он слал эмиссаров к Типу-Султану, возглавившему сопротивление английским завоевателям в Южной Индии — в государстве Майсур⁴⁶; он торопил Талейрана выехать в Константинополь, строя противоречивые планы: и привлечения на свою сторону правительства Порты, и пробуждения мятежных сил против ее власти⁴⁷.

Его политика, как показала и итальянская кампания, и в особенности

⁴⁴ Corr., t. 4, p. 191.

⁴⁵ См.: F. Charles-Roux. Bonaparte, gouverneur d'Egypte. Paris, 1936; La Jonquière. Op. cit., t. II, III.

⁴⁶ У Бонапарта были реальные основания рассчитывать на соглашение с Типу-Султаном; последний еще ранее пытался установить связь с французами. См. публикацию К. А. Антоновой в журнале «Народы Азии и Африки», 1962, № 4, стр. 113—128.

⁴⁷ Corr., t. 5.

Леобен и Кампоформио, содержала и прогрессивные и завоевательные тенденции; они противоречиво переплетались между собой.

В Египте, как вскоре должен был убедиться Бонапарт, он оказался в стране социального бесплодия. Семена, бросаемые им в опаленную солнцем почву, не давали всходов; земля еще не созрела для роста нови. Он провел некоторые реформы антифеодалного характера, но не приобрел поддержки арабов.

В отличие от Италии, армия Бонапарта в Египте могла рассчитывать только на узко военные средства достижения успеха. Социальный аспект войны оказался почти полностью исключенным. Это имело трагические последствия для французской армии: превратившись из армии освободителей, какой она была в Италии и намеревалась остаться на Востоке, в армию завоевателей, она становилась неизмеримо слабее; при ее малочисленности и большой удаленности от основных баз, она была обречена рано или поздно на поражение.

Бонапарт с его сильным умом смог это быстро понять. Его поход в Сирию был продиктован не столько узко тактическими (движение навстречу турецкой армии), сколько стратегическими соображениями. На острове Святой Елены, когда все это было уже далеким прошлым, он в беседе с Лас-Казом, возвращаясь к все еще волновавшей его теме, очень ясно раскрыл свой стратегический замысел. «Если бы [крепость] Сен-Жан-д'Акр была бы взята французской армией, то это повлекло бы за собой великую революцию на Востоке, командующий армией создал бы там государство и судьбы Франции сложились бы совсем иначе»⁴⁸.

Но Сен-Жак-д'Акр, как известно, не была взята...

Завоевательный характер войны в Египте пагубно влиял и на французских солдат, и на самого Бонапарта. Под палящими лучами африканского солнца, в изнуряющих походах по раскаленным пескам пустыни — во имя чего? ради чего? — блекли, или может даже испарялись революционные чувства, верность республиканским принципам, революционный патриотизм, воодушевлявшие еще недавно тех же солдат в итальянской кампании.

На первый взгляд незначительный, но в то же время весьма симптоматичный пример: во время итальянской кампании большие революционные праздники — 14 Июля, 10 Августа, 21 Сентября — отмечались приказами командующего и вся армия их праздновала. В египетском походе о них как-то незаметно перестали вспоминать; даже десятилетний юбилей взятия Бастилии, 14 Июля 1799 г., среди многих приказов, изданных командующим оказался забытым.

Египетский поход сыграл зловещую роль и в идейной эволюции самого Бонапарта.

Конечно, Бонапарт был не из тех людей, которые склоняют голову и опускают руки перед обрушивающимися на них злосчастиями. Напротив, в Египте, когда с каждым днем все очевиднее раскрывались неисчислимые трудности и бедствия, становившиеся на пути армии, он проявлял величайшую энергию и твердость духа.

Французская армия вновь одержала блистательные победы. После изнурительного похода по раскаленным пескам Даманхурской пустыни, когда вдалеке уже были видны минареты Каира, перед французами выросла конница мамелюков. В сражении у подножия пирамид 21 июля 1798 г. все яростные атаки мамелюков Мурад-бея разбились о непробиваемые французские карэ. Тогда была произнесена знаменитая фраза: «Солдаты, сорок веков смотрят на вас!». Битва закончилась полным разгромом противника⁴⁹.

⁴⁸ *Las Cases Mémoires*, t. I, p. 155.

⁴⁹ *Corr.*, t. 29 p. 449—451.

Армия Бонапарта вступила в Каир. Клебер успешно завоевал дельту Нила. Дезе, преследовавший мамелюков Мурад-бея, нанес им поражение при Седимане и овладел Верхним Египтом.

Но в 6 часов вечера 1 августа перед французским флотом, стоявшим в Абукирском заливе, внезапно предстала ожидаемая давно, но все же не в этот момент⁵⁰, эскадра адмирала Нельсона. Через полчаса началось морское сражение. Хотя силы сторон были почти равны и французы даже имели перевес в количестве орудий, Нельсон, захвативший инициативу и обнаруживший превосходство над Брюэсом в руководстве морским сражением, склонил ход боя в свою пользу. Он отрезал французские корабли от берега и открыл огонь с двух сторон. К 11 часам утра 2 августа французский флот перестал существовать; лишь четырем французским кораблям удалось уйти, остальные были уничтожены или пленены⁵¹. Абукирская катастрофа влекла за собой трагические последствия для французской армии в Египте.

Коммуникации в стране были столь плохи, что Бонапарт узнал о происшедшем только две недели спустя, 13 августа, в Салейохе, где его нагнал курьер, посланный Клебером. Человек сильного характера. Бонапарт, получив эту ужаснувшую его весть, испытал, как это с ним всегда бывало в момент опасности, прилив огромной энергии. Его письма адмиралу Гантому, Клеберу, Директории динамичны, практически трезвы, ни тени колебаний: он уверенно намечает ряд немедленных мер, призванных спасти то немногое, что осталось от флота; он готов, собрав по кораблю во всех средиземноморских портах, начать сызнова восстановление французского флота⁵². О его сильном душевном волнении можно лишь догадаться по настойчивости, с которой он доказывает (кому? Директории!), что судьба, счастье (он пишет «Fortune» с большой буквы) его не покинули, и по сентиментальной взволнованности, обнаруживающей бывшего ученика Руссо, в соболезнующем письме вдове погибшего адмирала Брюэс⁵³.

По свидетельствам современников известие об Абукире произвело гнетущее впечатление в армии. Собственно разочарование, даже более того недовольство, начались еще раньше. И Мио и Бурьенн — свидетели во всем различные — сходятся в своем описании настроений в Восточной армии после первого месяца пребывания в стране⁵⁴. Египет в действительности оказался так не похож на тот волшебный мир восточных красок и чудес, которые рисовало воображение на пути из Тулона в Александрию, что они не могли и не хотели с ним примириться. После Италии то был разительный контраст. Бесплодные, выжженные солнцем пустыни, раскаленный песок, бедность, нищета, убогость, темный, забитый народ, видящий во французях только врагов, отсутствие денег, нехватка воды, постоянно мучающая жажда и зной, зной, все испепеляющий зной! — за какие грехи и преступления армию победителей Италии обрекли на эти страдания?

Катастрофа в Абукире приумножила эти настроения. Они господствовали не только среди солдат, но и среди офицеров и даже высших командиров.

Наполеон, всю жизнь настойчиво оправдывавший египетскую экспедицию, должен был все же признать крайнее недовольство, царившее в армии. Он сам рассказал, как однажды, услышав весьма крамольные разговоры группы фрондирующих генералов, он обратился к одному из них —

⁵⁰ Когда появилась эскадра Нельсона, 3 тысячи человек из французского экипажа были на берегу.

⁵¹ *A. Amato. Abukir. Nelson e l'Inghilterra in lotta nella spedizione d'Africa. Milano, 1936; Machan. The life of Nelson, the embodiment of the sea-power of Great Britain. London, 1898.*

⁵² *Corr.*, t. 4, № 2015—3019, 3045, p. 339—343, 357—361.

⁵³ *Corr.*, t. 4.

⁵⁴ *J. Miot. Mémoires pour servir à l'histoire des expéditions en Egypte et en Syrie, 2 ed. Paris, 1814; Bourienne. Mémoires, t. 2.*

самому высокому росту: «Вы вели здесь мятежные речи, генерал; берегитесь, как бы я не выполнил свой долг: ваш высоченный рост не помешает вам быть расстрелянным в течение двух часов»⁵⁵.

Но если верить Бурьенну, Бонапарт, оставаясь наедине, сам давал волю мрачным чувствам. Когда Бурьени высказал надежду, что Директория придет на помощь, Бонапарт не дал ему договорить.

— Ваша Директория — это ... — Он произнес нецензурные слова. — Они мне завидуют и ненавидят меня; они охотно оставят меня здесь погибать...⁵⁶

На Директорию он не надеялся; он мог рассчитывать только на самого себя.

С огромной энергией он взялся за общественное переустройство Египта. Но чем дальше шло время, тем становилось очевиднее, что все усилия бесплодны — французы вспахивали пески и в буквальном, и в переносном смысле. Восстание в Каире, восстания арабов в разных концах завоеванной страны, жестокие кары, расстрелы и новые мятежи⁵⁷ — все доказывало, что пришельцы не могут найти никакой опоры среди арабского населения, что они остаются армией завоевателей, удерживающей свою власть силой штыка.

Но ведь эта сила будет слабеть? Что ждет тогда?

Бонапарт искал выхода из мышеловки, в которой он оказался захлопнутым. Надо было вырваться из этой бесплодной пустыни; надо прорваться к необозримым плодоносным просторам Востока — и тогда все будет переиграно.

Он не отказывался от своих великих планов. 25 января 1799 г. он послал гонца в Индию с письмом к Типу-Султану. «Вы верно уже осведомлены о моем приходе к берегам Красного моря с неисчислимой и непобедимой армией, исполненной желанием освободить вас от оков английского гнета», — писал он индийскому вождю.

Неисчислимая армия? конечно, это только гипербола. Но если эта армия сможет дойти до берегов Инда и Ганга, кто может сомневаться в том, что она действительно станет неисчислимой?

К концу 1798 г. численность французской экспедиционной армии в Египте составляла 29 700 человек, из них по официальным данным 1500 было небоеспособных⁵⁸. Для похода в Сирию главнокомандующий мог выделить только 13 тысяч. Это количество представлялось ему вполне достаточным для начальных наступательных операций. Сирия должна была быть лишь первым актом в широко задуманном плане действий. Как позднее писал Бонапарт, он рассчитывал, «если судьба будет благоприятствовать, несмотря на потерю флота, к марту 1800 г. во главе сорокатысячной армии достигнуть берегов Инда»⁵⁹.

9 февраля 1799 г. маленькая армия выступила в поход. Вместе с Бонапартом на завоевание восточного мира шли его лучшие генералы: Клебер, Жюно, Ланн, Мюрат, Ренье, Кафарелли, Бон и др. Путь был тяжелым, изнуряющим, даже в феврале солнце жгло, мучила жажда. Но всех воодушевляла надежда; армия шла вперед, она оставляла позади ненавидимую пустыню. Военные операции развертывались успешно. Боевые столкновения под Эль-Аришем и Газой завершились победой. После упорных боев была взята Яффа и Хайфа, в сражении с турками была завоевана Палестина. К 18 марта армия подошла к стенам старинной крепости Сен-Жан-д'Акр.

⁵⁵ *Las Cases. Mémoires*, t. I, p. 156.

⁵⁶ *Bourienne. Mémoires*, t. 2 p. 135.

⁵⁷ *Corr.*, t. 29. Campagnes d'Égypte et de Syrie, p. 493—515; *Bourienne. Op. cit.*, t. 2, p. 188.

⁵⁸ *Corr.*, t. 30. Campagnes d'Égypte et de Syrie, p. 15.

⁵⁹ *Ibid.*, p. 14.

Чем дальше продвигалась армия Бонапарта на восток, тем становилось труднее. Спротивление турок возрастало. Население Сирии, на поддержку которого Бонапарт надеялся, было так же враждебно к «неверным», как и арабы Египта. При взятии Яффы город был подвергнут разграблению; французы проявили крайнюю жестокость к побежденным. Но ни арабов, ни друзов, ни турок нельзя было ни застрашать, ни привлечь на свою сторону. В Яффе были обнаружены первые случаи заболевания чумой. Болезнь вызвала страх солдат, но еще надеялись избежать эпидемии.

Бонапарт шел впереди армии — молчаливый, хмурый. Война складывалась несчастливо: все шло не так, как он ожидал, все поворачивалось против него. Судьба ему больше не благоприятствовала.

Его угнетало еще и иное. В самом начале сирийского похода, у Эль-Ариша, как о том поведал Бурьенн (и в данном случае ему можно верить), Жюно, шедший, как обычно, рядом с командующим — они были друзья, были на «ты», — сказал ему что-то такое, от чего лицо Бонапарта страшно побледнело, зает он стал содрогаться от конвульсий.

Позже из уст самого Бонапарта Бурьенн узнал, что так потрясло его. Жюно рассказал, неизвестно зачем, что Жозефина неверна. Ярость Бонапарта была беспредельна. Он осыпал проклятиями, солдатской бранью имя, которое было вчера еще самым дорогим. Он обрушился на Бурьенна: «Вы ко мне не привязаны... Вы обязаны были мне рассказать... Жюно — вот истинный друг!»⁶⁰ Жюно, впрочем, это дорого обошлось. Бонапарт никогда не мог простить ему рассказанного у Эль-Ариша. Из всех близких к Бонапарту генералов Жюно оказался единственным, не получившим звания маршала.

Позже Бонапарт овладел собой, взял себя в руки. Что мог он сделать, отделенный тысячами километров от Парижа? Он больше ни с кем на эту тему не говорил. Да и к чему? Что могут изменить слова?

Как человек суеверный, он почувствовал в этом тяжелом для себя известии еще одно подтверждение, что судьба повернулась против него. Он безмерно любил Жозефину и в то же время считал, что она приносит ему счастье. Удивительные, неправдоподобные успехи войны 96 года — Монтенотто, Лоди, Ривولي — все это пришло вместе с Жозефиной. Она изменила ему, и вместе с ней ему изменило счастье.

Но он был солдат, и долг солдата повелевал ему идти вперед. Он был командующим армии, и на нем одном лежала ответственность за этих людей, под палящим зноем движущихся на восток.

Надо было сломить сопротивление этой старой крепости энергичным натиском. «Судьба Востока заключена в этой скорлупе»⁶¹. За Сен-Жанд'Акром открывались дороги на Дамаск, на Алеппо; он уже видел себя идущим по великим путям Александра Македонского. Выйти только к Дамаску, а оттуда стремительным маршем в Евфрату, Багдаду — и путь в Индию обеспечен!

Но старая крепость, еще в XIII в. ставшая достоянием крестоносцев, не поддавалась непобедимой армии. Ни осада, ни штурмы не дали ожидаемых результатов. Ле Пикар де Фелипо, тот самый, что год тому назад сумел вывести Сиднея Смита из парижской тюрьмы Тамль, давнишний недруг Бонапарта, счастливый возможностью сквитать старые счета, превосходно руководил обороной крепости. Смит тоже не терял время даром: он установил контроль над морскими коммуникациями между Александрией и осаждающей армией, а сам обеспечивал непрерывное пополнение гарнизона крепости людьми, снарядами, продовольствием⁶².

⁶⁰ Bourienne. Mémoires, t. II, p. 211—214.

⁶¹ Bourienne. Op. cit., t. II, p. 243.

⁶² Наполеон в своем историческом очерке кампании в Сирии весьма невысоко оценивает роль Сиднея Смита (Согг., t. 30, p. 52), однако это суждение нельзя признать объективным и верным.

62 дня и ночи длилась осада и штурм Сен-Жан-д'Акра; потери убитыми и ранеными, заболевшими чумой возрастали. Были убиты генералы Кафарелли, Бон, Рамбо, еще ранее был убит Сулковский. Ланн, Дюрюк и многие офицеры были ранены.

Не грозила ли опасность перемолоть всю французскую армию под стенами Сен-Жан-д'Акра? Бонапарта это страшило. Он все более убеждался, что его тающей армии не хватает сил, чтобы овладеть этой жалкой скорлупой, ветхой крепостью, ставшей неодолимым препятствием на пути к осуществлению самых великих замыслов.

Не хватало снарядов, недоставало патронов, пороха, а подвоз их по морю и суше был невозможен. Голыми руками крепость не взять. Все попытки штурмовых атак терпели неудачи. Длительное, двухмесячное сражение под стенами Сен-Жан-д'Акра было проиграно. Через самое краткое время это станет очевидным для всех.

Ранним утром 21 мая французская армия бесшумно снялась с позиций. В приказе по армии командующий писал о подвигах, о славе, о победах. Но к чему были эти слова? Кого они могли обмануть? Армия быстрым маршем, сокращая время отдыха, чтобы не быть настигнутой противником, гой же, прежней дорогой, которой пришла, после трех месяцев борьбы, страданий, жертв, оказавшихся напрасными, возвращалась назад, на исходные позиции.

То было страшное отступление. Нещадное солнце стояло в безоблачном небе, обжигая иссушающим жаром. Нестерпимый, изматывающий зной, казалось, расплавлял кожу, кости; солдаты с трудом волочили ноги по горячим пескам, по растрескавшимся дорогам пустыни. Мучения жажды были невыносимы. Рядом было море, но питьевой воды не было. Люди выбивались из сил, но должны были идти; кто отставал, кто падал — погибал. Сзади, над последними рядами растянувшейся цепочки людей кружили какие-то страшные птицы, с огромным размахом крыльев, с длинной голой шеей и острым клювом; то были, верно, грифы. Они ждали, кто упадет, чтобы наброситься с пронзительным клетотом на добычу.

Люди боялись этих ужасных птиц больше, чем неожиданно появлявшихся то здесь, то там на горизонте мамелюков на конях. Напрягая последние силы, они старались не отрываться от колонны. И все-таки, обессилевшие, падали, и тогда уходящие слышали за своей спиной резкий гортанный клетот птиц-чудищ, слетавшихся на страшную тризну. Армия таяла — от чумы, от губительной жары, от переутомления. Более трети состава погибло⁶³.

Бонапарт отдал приказ: всем идти пешком; всех лошадей отдать больным. Он первый подавал пример — в своем сером обычном мундире, высоких сапогах, как бы не чувствительный к испепеляющему зною, с почерневшим лицом, он шел по раскаленным пескам впереди растянувшейся длинной цепочкой колонны, не чувствуя, казалось бы, ни жажды, ни усталости.

Командующий армией шел молча. Он знал — он не мог не знать, что проиграно не только сражение под Сен-Жан-д'Акром, проиграна кампания, проиграна война, все было проиграно.

Но не об этом надо было думать. Важно было довести то, что осталось от сирийской армии, до Каира. И после короткого отдыха, призывный звук горна снова поднимал измученных солдат, и генерал Бонапарт, впереди колонны, снова ровным шагом, загребая ногами горячий песок, шел, шел на запад, не замечая палящей жары.

Двадцать пять дней и ночей длился этот невыносимый, гибельный переход отступавшей армии из Сирии.

14 июня на рассвете армия увидела вдалеке высокие минареты и белые стены домов Каира.

⁶³ J. Miot. Mémoires pour servir à l'histoire des expéditions en Egypte et en Syrie, 2 ed. Paris, 1814; Bourienne. Mémoires, t. II.

Тематически связанные ссылки:

И.Эренбург. Заговор равных

А.Собуль. От террора к Консульству:

национальная проблема и социальные реальности

А.Манфред. Египетский поход Бонапарта

Дж.Туган-Барановский. На пути к брюмеру

Дж.Туган-Барановский. Наполеон и Республиканцы:

из истории республиканской оппозиции

во Франции в 1799-1812 гг.

В.Сироткин. Тильзитский мир

В.Рогинский. Наполеоновская Франция и Швеция

накануне Отечественной войны 1812 г.

К.Бочоришвили. Орден Почетного легиона при Наполеоне I

А.Манфред. О Наполеоне (из литературного наследия)

К.Симонов. Наполеон

М.Додолев. За кулисами наполеоновской дипломатии

Р.Резник. Наполеон

в «Человеческой комедии» Оноре до Бальзака

В.Марков. Иллирийские провинции Наполеона

Эти и другие работы

о Буонапарте Наполеоне (НАПОЛЕОНЕ БОНАПАРТЕ)

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#bonp>

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm